

TRAVIS BARKER

МЕЖДУ ПАНК-РОКОМ И СМЕРТЬЮ

ТРЭВИС БАРКЕР

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 785.071.2:929(73)
ББК 85.318(3)-8
Б25

В оформлении обложки использована фотография:
© Leonard Ortiz / Digital First Media / Orange County Register via
Getty Images / Gettyimages.ru

Баркер, Трэвис.

Б25 Между панк-роком и смертью : Автобиография барабанщика легендарной группы BLINK-182 / Трэвис Баркер ; [перевод с английского А. Поповой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 336 с. : ил.

ISBN 978-5-04-106399-3

Его жизнь разделилась на «до» и «после» 19 сентября 2008 года. Как жить после того, как посмотрел в глаза смерти?

Автобиография легендарного барабанщика BLINK-182 Трэвиса Баркера, написанная музыкантом после авиакатастрофы, — это своеобразное переосмысление ценностей. Семья, звание одного из лучших в мире барабанщиков, деньги, слава рок-звезды, гастроли... и все это может исчезнуть в любой момент.

Трэвис честно расскажет о том, как BLINK-182 стали звездами, покажет памятные для него моменты творческого пути, проанализирует ошибки и поделится личным.

Каждая глава здесь — как удар в барабан: громкая и разрывающая, словно биты, сделавшие Трэвиса легендой рок-индустрии. Дети, брак, воспоминания знаковых для жизни музыканта людей: участников группы BLINK-182, родных и близких. Неприкрытая правда о том, кто вопреки всему завоевал популярность в музыкальной индустрии.

УДК 785.071.2:929(73)
ББК 85.318(3)-8

© Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers.
Copyright © 2015 by Clarence Worley, Inc.
All rights reserved.

ISBN 978-5-04-106399-3 © Попова А., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПОСВЯЩЕНИЕ

Моей семье — вы сделали меня тем, кто я есть. Я не горжусь всем, что написано в этой книге, — от некоторых воспоминаний у меня по коже бегут мурашки от стыда, но всё это правда. Я люблю вас.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
1. Почти знаменит	11
2. What's My Age Again	33
3. Чужие пикапы	45
4. Лучший друг на одну ночь	58
5. Ярость Aquabats	68
6. Барабаны, барабаны, барабаны	90
7. California Babylon	99
8. Famous Stars and Straps	115
9. Таблетки, сломанные кости и обручальные кольца	122
10. Настоящая любовь	144
11. Я хочу всё и сразу	162
12. Знакомство с Баркерами	178
13. Не сегодня	187
14. Hey Ladies	212
15. Крышу сорвет, папа	224
16. Иное настроение	234
17. Призрак на танцполе	255

18. Can a Drummer Get Some	264
19. C.R.E.A.M.	277
20. Предупреждение	284
21. Начнем сегодня	289
Благодарности	306
Избранная дискография и выступления в качестве приглашенного артиста	308

ПРОЛОГ

Я горю.

Я бегу со всех ног и при этом горю. Ночь темна, но я вижу, куда бегу, потому что моя собственная горящая плоть освещает дорогу. Никогда в жизни я не испытывал такой боли: такое ощущение, будто у меня внутри всё кипит и пытается вырваться наружу прямо сквозь кожу. Я срываю с себя одежду и бегу по траве, но по-прежнему горю.

Позади меня — смерть: там горящий самолет, а в нем трупы пилотов и двух моих хороших друзей. Меньше чем через минуту самолет взорвется. Передо мной дорога. Всё, что происходит, не то что нереально, но даже невозможно. Если я добежу до дороги, думаю я, то, может, выживу. Я слышу, как люди мне что-то кричат, но не разбираю слов. Всё, что мне нужно в этот момент, — выжить. Я хочу увидеть своих детей, жену, отца, сестер. В последние секунды жизни всё неважное сгорает в огне. С каждым шагом всё в моей жизни сгорает, кроме семьи. Я бегу быстрее, чем могу. Я бегу к дороге, которая спасет мне жизнь. Я бегу ради любви, ради своего будущего, ради своей жизни.

1

Потом знаменит

Зверь. Он был чистым оранжевым сумасшествием и моим героем. Он бесился, играл потрясающее соло на ударных, а потом ел тарелки. Когда я впервые увидел Зверя в «Маппет-шоу», мне тоже захотелось съесть тарелки. **Я захотел стать барабанщиком. Мне было четыре года.**

Родители устроили меня на занятия и водили туда без пропусков. Папа отвозил и привозил, а мама всегда сидела в комнате и записывала урок на пленку. Она научилась читать ноты и правильно держать барабанные палочки; если я чего-то не понимал, всегда мог у нее спросить. Она схватывала все на лету — когда я был маленьким, мы с мамой научились одинаково хорошо играть на барабанах. Только она не повторяла за Зверем и не засовывала тарелки в рот, как я.

Маму звали Глория Мэри Роуз Маккарти, но друзья называли ее Куки. Она родилась 10 сентября 1947 года в Чикаго. У нее были индейские корни племени осейджей. Ее сводная сестра Мэри Маккарти была актрисой и играла в оригинальной постановке «Чикаго» на Бродвее*.

Куки познакомилась с моим отцом, Рэндаллом Леонардом Баркером (родился 12 марта 1942 года), в Фонтане, восточнее Лос-Анджелеса. Они поженились и стали жить вместе. У них родились две девочки, Рэндалай и Тамара, а потом 14 ноября

* Мэри Маккарти играла в «Чикаго» маму Мортон — в фильме ее роль исполнила Куин Латифа. Ее номинировали на премию «Тони» за постановку «Анны Кристи» Юджина О'Нила в 1977 году. Еще она снималась в телесериале «Охотник Джон», но умерла после выхода первого сезона.

1975 года появился я, Трэвис Лэндон Баркер. Тамара на пять лет старше меня, а Рэндалай — на семь. Не знаю, как мама выбрала имя Трэвис, зато Лэндоном меня называли в честь Майкла Лэндона, звезды сериала *«Маленький домик в прериях»*. Мама была его большой поклонницей (как и группы Beatles, и Элвиса Пресли, и группы Police). Если бы это зависело от нее, она, вероятно, назвала бы меня Майклом Лэндоном Баркером. Я был очень тучным ребенком: в год весил уже шестнадцать килограммов. Мама пыталась купать меня в раковине, но я туда не помещался. Потом я похудел.

Я вырос в низших слоях среднего класса, но не знал об этом. У мамы и папы ничего не было. Папа построил наш дом сам, с близким другом семьи — он не хотел платить за готовое жилье. Он купил землю и заявил: «Я собираюсь построить этот дом своими руками». Когда мы только въехали, это напоминало жизнь в кемпинге: не было занавесок, ковров, даже ванны и водопровода. **Мы спали на полу в спальных мешках. Чтобы нас помыть, мама грела воду в кофейнике.**

Я был совсем малышом, когда папа строил дом. В возрасте год и три месяца я играл с его строительными материалами и сломал средний палец на левой руке, уронив на руку кучу досок. Родителям пришлось выбирать, сделать его прямым или оставить кривым. К счастью для меня, они оставили его кривым — если бы он был прямым, я не смог бы хорошо играть на барабанах и постоянно посылал бы людей направо и налево. Он до сих пор такой.

У меня была своя комната, а еще у нас были комната с телевизором, гостиная и кухня. Отец два года служил в армии и воевал во Вьетнаме. Вернувшись домой, он устроился на завод «Кайзер Стил» (производство стали — основная отрасль в Фонтане). Потом работал машинистом на разных складах и заводах. Папа был «синим воротничком» и трудился от сорока до шестидесяти часов в неделю. Он никогда не сидел сложа руки: когда возвращался с работы, то делал что-нибудь по дому, чинил машину или возился во дворе. И никогда не включал кондиционер или обогреватель — ни в жару, ни в холода.

Папа всегда одевался как бриолинщик, неделями не мыл голову: «Волосам нужен естественный жир». Он всегда носил

с собой расческу и был опрятно одет: в кипенно-белую футболку и джинсы со стрелками. Папа вешал джинсы на специальную вешалку, чтобы стрелка сохранялась. Он носил черные мотоциклетные ботинки и ездил на «Харлее». Когда он возил меня в «Сирс», я сидел позади него и держался что есть сил — я это просто обожал.

РЭНДИ БАРКЕР (отец)

Я вырос в сталелитейном городке под названием Эли-забет, недалеко от Питтсбурга. Когда мне исполнилось восемнадцать, семья переехала из Пенсильвании в Калифорнию, поближе к родственникам в Фонтане. Примерно в 1973 году меня призвали в армию, и я отслужил два года: год в Штатах и год во Вьетнаме. Меня обучали работе с радиоаппаратурой, но, когда я туда приехал, мне дали ключи от джипа и сказали: «Будешь водителем». В джипах должны были быть радиоприемники, но их убрали, потому что это якобы небезопасно: кто-нибудь на заднем сиденье может удариться о них головой. Так что в основном я водил машину. Я отправился туда с инженерным подразделением, а затем, примерно через два месяца, меня отправили в корейскую артиллерийскую дивизию с группой связи. Сначала я был не в восторге от службы в армии, но, думаю, через это стоит пройти каждому парню. Не через войну, конечно, — а просто пообщаться с людьми из разных штатов и с других наших территорий.

Когда я вернулся домой, мне хотелось только гулять и развлекаться. **В первые же две недели мне выписали пять штрафов за превышение скорости.** Патрульный гнался за мной до светофора. Он сказал: «Не знаю, с какой скоростью ты ехал, зато чертовски уверен, что ты превысил скорость. Я выпишу тебе штраф за 120 километров в час». Я согласился, потому что на самом деле ехал где-то сто сорок — сто шестьдесят.

Мой друг в Фонтане держал ресторан под названием «Ред Девил» — там подавали пиццу и разные итальянские блюда. Потом он его продал, но я всё равно

туда ходил. Мне нравилась официантка Куки — такая хорошенькая и миниатюрная, весом всего сорок четыре кило. Она мне просто понравилась, и никто не мог меня переубедить. Мать и дядя Куки выкупили ресторан, но Куки с матерью не ладили. Как-то раз она просто сбежала домой. Я спросил ее мать: «Где Куки?»

«Ушла».

Я поехал и подобрал ее по дороге домой. В тот вечер мы катались часа четыре, разговаривали, узнавали друг друга. Потом это переросло в роман. Мы встречались то ли четыре, то ли шесть месяцев, а потом поженились. До этого я слонялся без дела, а перед свадьбой подумал, что лучше найти работу. Поэтому я трудоустроился в «Кайзер Стил» — начинал помощником в механической мастерской, а потом меня повысили. Мне всегда нравилась механика — не знаю, сколько раз я торчал под дядиной машиной и перебирал двигатель. Я хотел стать машинистом, как отец, он был для меня героем. (Он умер в шестьдесят два года от цирроза печени, когда Трэвису было около трех: заразился гепатитом С при переливании крови.)

Куки рассказала мне, что, когда я только начал ходить к ним в ресторан, ее мать говорила: «Почему бы тебе не найти такого же хорошего парня?» Конечно, как только мы стали встречаться, ей ничего не оставалось, кроме как постоянно меня понукать. Но через некоторое время она поняла, что я по-настоящему влюблен в ее дочь.

У Куки была сводная сестра Мэри Маккарти, актриса. Она занималась этим с детства, но мы ни разу ее не видели. Куки не желала никому навязываться: «Я не хочу, чтобы она решила, что мы пытаемся подружиться с ней, чтобы помочь детям».

Я тогда работал в «Кайзере», подхалтуривал укладкой ковровина, а по вечерам ходил в колледж изучать кондиционирование воздуха. Когда я возвращался с работы, Куки встречала меня у дверей с детьми и говорила: «Это ваш папа — он войдет, поужинает, переоденется и пойдет учиться. Потом он придет домой, когда вы уже ляжете спать». Дошло до того, что она сказала,

что от чего-то придется отказаться. Я бросил колледж и свою халтуру, хотя время от времени подрабатывал.

На первое Рождество Трэвиса мы купили ему барабан. Как-то раз он сидел на полу и бил в этот барабан так, что искры летели. Жена посмотрела на него и сказала: «Знаешь, я думаю, он будет барабанщиком». На его четвертый день рождения мы подарили сыну целую ударную установку. Мы возили его на уроки игры на ударных: Куки была не в восторге от вождения, поэтому я сидел за рулем, а она записывала уроки на пленку. Потом она всю неделю занималась с Трэвисом под магнитофон. Когда он не слушался, мне приходилось проявлять строгость.

Я не разрешал девочкам уходить дальше чем на квартал, а Трэвису позволял свободно бегать по улицам. Я рассуждал так: когда-нибудь ему нужно будет зарабатывать себе на жизнь и содержать семью, а девочки будут полагаться на своих мужей. Значит, Трэвис должен научиться лучше ориентироваться в реальном мире.

Когда я рос, мама меня очень любила и всё время была рядом. Одно из моих первых воспоминаний — о том, как я засыпаю, а она гладит меня по голове. Она очень-очень много работала. В нашем доме мама устроила детский сад, так что там каждый день было от семи до двенадцати детей. **Я любил своих сестер и много с ними играл, но пару раз они одевали меня в девчачий наряд. Было круто, что в детском саду были и мальчишки. Мы гуляли на улице, катались на великах и скейтах, играли в ковбоев и индейцев.**

Я знал, где отец хранит свои армейские медали. Когда мне хотелось поиграть в полицейских и грабителей, я залезал к нему в шкаф и надевал его медали. Я обожал носить его значки, но все их растерял, пока бегал и играл. Он не сразу узнал об этом — но я-то знал, что наделал, и чувствовал себя виноватым. Еще у него была коробка с фотографиями из Вьетнама: когда я спрашивал его о войне, он особенно ничего не рассказывал. Но из-за войны он никогда не держал в доме оружие.

Мы с папой часто смотрели по телевизору бокс, а больше всего мне нравился рестлинг: это как мыльная опера, только для